

кать — значит думать и думать, конечно, логически... Но ведь Шестов говорит, что «может быть думать вовсе не следует» и что всякую логику нужно послать к черту! А кто знает, может быть, истина и есть продукт здорового, логического мышления, а для аномального, интуитивного мышления, сторонником которого является Шестов, истина вовсе и не нужна?

Тогда зачем же хлопать по-пустому? Зачем и для чего продолжать эту ужасную пытку логического мышления? Не лучше ли глубоко, навсегда погрузиться в подполье и любить свою боль, и эту болью победить мир?! Не лучше ли навсегда отдаться беспощадной мести, мести, выворачивающей всю душу, поражающей мозг, превращающей жизнь в океан безграничного, кошмарного бреда?!

А Шестов знает цену и обаяние всего этого, у него по этому поводу есть замечательное изречение, которое можно поставить эпитафией ко всему творчеству:

«Пусть с ужасом отшатнутся от нас будущие поколения, пусть история заклеит наши имена, как имена изменников человеческому делу, — мы все-таки будем слагать гимны уродству, разрушению, безумию, хаосу, тьме! А там хоть трава не расти!»*

И. Н. ИГНАТОВ

Философские окопы.

По поводу доклада Л. И. Шестова

Когда мысль привыкла вращаться около одного беспокойного и все заслоняющего вопроса, тогда и все посторонние невольно принимаются в образах и формах, близких этому огромному вопросу. В заседании Психологического общества я увидел цвет московской философии; над длинным столом поднимались сосредоточенные, серьезно, видимо, обеспокоенные лица. И мне представилась никогда мною не виденная, но всегда стоящая перед глазами картина окопа, ожидание приближающегося неприятеля, сосредоточенная серьезность минуты, необходимость отстоять позицию. Мне представилось, что все эти серьезные, важные, много думавшие и много знающие люди сидят в философских окопах, а докладчик, Л. И. Шестов, стремится своим докладом уничтожить всякие окопы¹ — все то, что каким бы то ни было образом напоминает систему, философскую, научную, всякую другую. И летят из доклада снаряды по окопам, и все более и более хмурыми

* Апофеоз беспочвенности. С. 158.

становятся лица, все более и более беспокойным кажется положение. Я ожидал: вот после атаки докладчика начнется контратака тех, кто считает окопы необходимыми, кому без системы не представляется ни одно учение; кто верит в силу и значение разума, в энергию и волю человека. И — да простит меня докладчик — я заранее был на их стороне: не зная, что они скажут, я заранее сочувствовал их желанию отстоять окопы, непременно в том виде, в котором каждый из них для себя их построил, но в идейном их значении.

Мне, к сожалению, пришлось слышать лишь небольшую часть возражений. Я расспрашивал знакомых, остававшихся на заседании после меня, и из их слов вывел заключение, что многие, сидевшие в окопах, признали в наступавшем не неприятеля, а если не союзника, то человека, исповедующего благожелательный нейтралитет. «Вы не нападали, вы скорее защищали меня», — сказал один; «На основании доклада я думал, что вы — скептик, но из дальнейшей беседы увидел что вы — верующий», — сказал другой. И лишь немногие продолжали утверждать, что докладчик — скептик, что в основе его утверждений не лежит веры.

Должен сознаться, что меня удивило слишком быстрое признание людей, сидящих в окопах, что у автора доклада есть свой окоп, которому они придают название «вера». В его докладе я не видел указаний на это; да если бы она и была, разве это — та деятельная вера, о которой раздаются речи из современных философских окопов? Должен сознаться, что во мне и доклад, и книги докладчика возбуждают совсем не то примиряющее чувство, которым руководились, по-видимому, возражатели. Я очень уважаю Л. И. Шестова за его искреннее стремление к истине (хотя стремление он и отрицает), за его беспокойную мысль (хотя значение разума он и отвергает), за его последовательное и упорное желание доказать справедливость своих утверждений (хотя, по его мнению, претензия на справедливость своих утверждений, на обладание ключами истины, не выдерживает критики). Но мое уважение к нему не препятствует мне признать, что его учение глубоко оскорбляет не представителей того или другого философского окопа, а прежде всего и больше всего «человека». И не того «человека вообще», против которого так восставал М. Штирнер², а самого простого, конкретного человека с костями, мускулами, нервами, мозгом.

Эпиграфом к своему докладу автор берет слова пророка Исайи: «Я открылся не вопрошавшим обо мне; Меня нашли не искавшие меня»³. И это на самом деле заключение и вся мораль доклада: к чему вопрошать, зачем искать? Истина открывается не вопрошавшим и не искавшим.

Разум осмеян докладчиком, осмеяны философские притязания, научные стремления (вся теория Дарвина представляется в виде бездоказательного утверждения о происхождении человека от обезьяны); осмеяна философия истории; поэзия хороша лишь тем, что она «глупа»;

осмеян «исторический материализм», осмеяны материалисты, — системы объяснения истории, системы объяснения мира; всякая мысль, претендующая на обладание истиной, на *potestas clavium*, — нелепа. И в заключение опять слова: «Я открылся не вопрошавшим о мне; Меня нашли не искавшие меня...» Если бы в этих словах скрывалось убеждение в слабости разума сравнительно с тою интуицией, которая носит название прозревающей веры, то это было бы не новое, но понятное утверждение. Когда это утверждение идет от какого-нибудь Платона Каратаева, — оно трогательно, когда для его утверждения выносятся арсенал философских, научных знаний, — оно удивляет, не волнуя, не трогая и не убеждая. Но во всяком случае главное для такой философии не в критической, а в положительной части, в утверждении возможности прозрения вне разума. В докладе Л. И. Шестова о такой положительной части нет ни малейшего упоминания. Почему же люди окопов не увидели в нем неприятеля?

Надо жить не системой, не выработанными понятиями, а тем опытом, который дается нашими переживаниями, — так можно понимать некоторые утверждения Шестова. Увы! Что такое опыт, как не обобщение? Что такое обобщение, как не зачаток системы? Сделав маленькое обобщение, вы уже окопались, вы уже залегли за ним, как за прикрытием, защищающим вас от неожиданностей. И эта способность окапываться — самое драгоценное предохранительное средство от всяких нападений. Конечно, можно злоупотреблять этой способностью и лежать в окопе, не замечая, что битва давно перешла в другое место, а то, что было прежде надежным и хорошим прикрытием, теперь — только ненужный и вредный бугор, мешающий ходить по ровному месту. Все может быть, но, ведь, злоупотреблять можно и огнем, и светом, и пищей, и чем угодно. Злоупотреблять можно и опытом; можно злоупотреблять и верой. И я удивляюсь, как люди, сидящие в окопах, так легко остановились на слове «вера», не определяя, кто будет верить. Докладчик отнял у этого верующего человека пытливый разум, отнял энергию искания. Это вера, (если она есть) — не вера, движущая горами, а вера бездеятельная и выжидающая, чтобы истина сама ей откликнулась. Какая радость в такой вере?

Л. И. Шестов не оставляет для человека даже той маленькой крупинцы деятельности в устройстве судьбы, которую допускала императрица Евгения⁴, утверждавшая, что не следует закрывать двери судьбе и надо брать хоть один билет на лотерею. Г. Шестов говорит, что не надо и билета брать, что все придет само собой, что истина откроется не вопрошавшим и не искавшим, не деятельным, не энергичным. Разве не оскорбляет человека система жизни (Шестов не может отрицать, что и у него есть известная система), отрицающая у него пытливую деятельность разума и отнимающая волю? Чем заполняется остающееся после них пустое место?